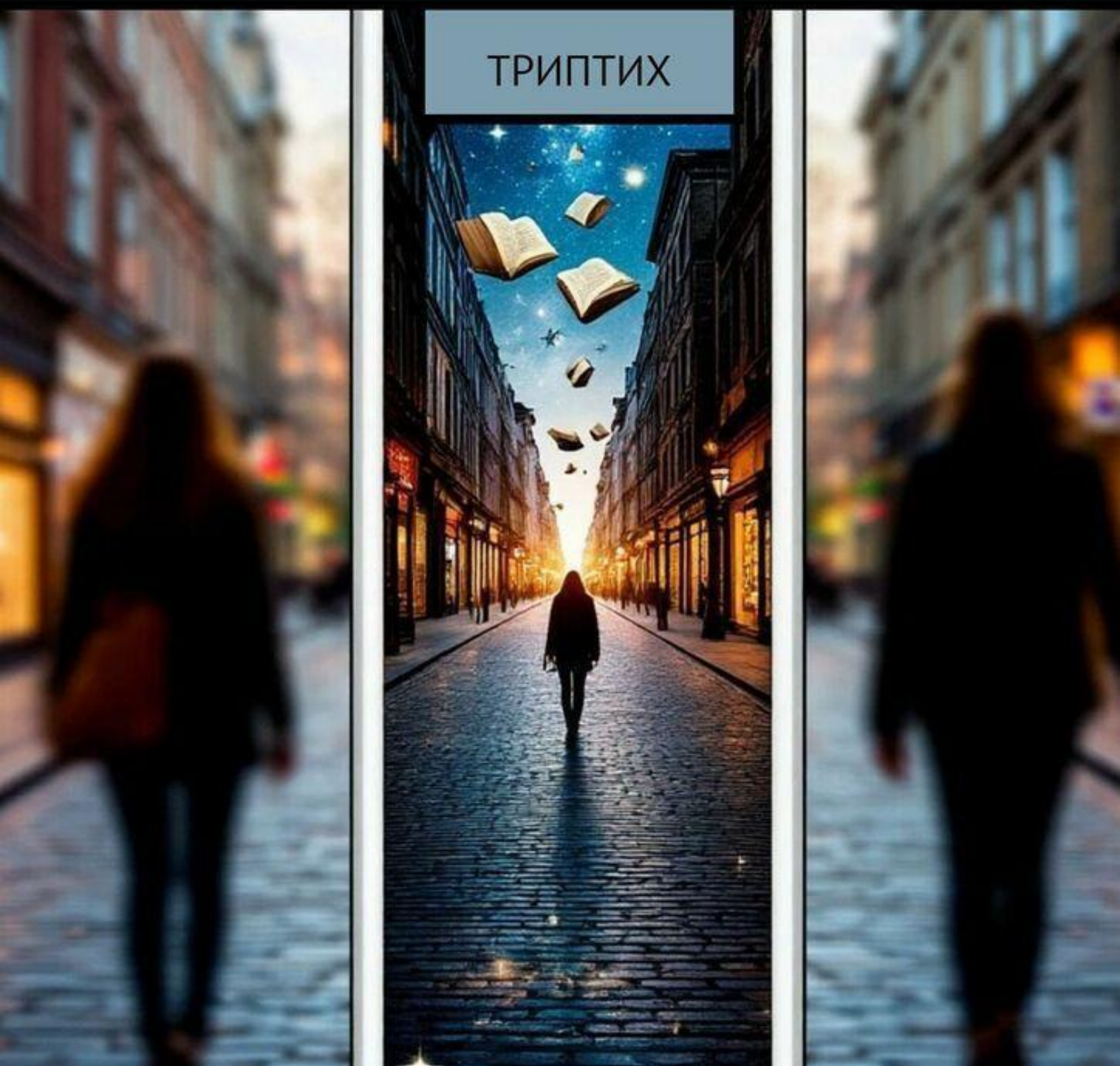

18+

ЕЛЕНА КАСАТКИНА

Украденные мечты

ТРИПТИХ

Елена Касаткина

Украденные мечты. Триптих

«Издательские решения»

Касаткина Е.

Украденные мечты. Триптих / Е. Касаткина — «Издательские решения»,

Странное чувство наступает, когда исполняется мечта, не правда ли? А куда деваются те мечты, которые не сбываются? Когда и в каком месте мы их хороним? Хотелось бы побывать на этом месте. Посмотреть, послушать, потрогать свои и чужие несбыточные мечты.

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Украденные мечты Триптих

Елена Касаткина

© Елена Касаткина, 2026

ISBN 978-5-0070-3654-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Главная беда нашего времени в том, что будущее больше не выглядит таким, каким оно выглядело раньше.

Поль Валери

Что могло бы сбыться, никогда не сбудется. Заденет тебя шуришащим крылом по щеке, обдаст дурманом и пролетит себе дальше. И каждый день жизни — мириад упущенных возможностей, несостоявшихся поворотов судьбы.

Вместо пролога

Осенний день, солнце уже окрасит листья в жёлтый. Иду по делам в старый город. На душе светло. Хорошо. Место историческое, много туристов. И вдруг...

Возле кафе трое мужчин, а на асфальте лежит женщина. Пьяная. Одета в какое-то тряпье. Немытая, нечёсаная. Еле встала, подобрала упавшие туфли, пакет с фруктами. Стоит, шатается. Набравшись сил, пытается идти. Подняв ногу, неуверенно ставит её на крыльцо, дёргается вперёд, пытаясь прорваться в кафе.

Мужчины преграждают ей путь:

— Пошла отсюда!

— Иди туда, где тебе место.

— Чтоб духу твоего... не было.

Один ударил её кулаком в грудь. Она пошатнулась, но устояла. Другой дал пинка. Смеются.

Как это низко — бить и без того упавшего. Противно? Отвернись, сплунь... Так нет же, им превосходство своё показать надо. Как знать, может, эта падшая в душе намного человечней этих «правильных».

Возраст определить трудно, можно дать — от 25 до 45. Пустые мутные глаза, пакет винограда в руке. Возможно, несла ребёнку, родному человеку. Может, осталось в ней ещё что-то человеческое. Пакет винограда — не бутылка же водки.

Сказать, что я в шоке — ничего не сказать. Одно дело книги, фильмы. А другое — вот оно, в двух шагах от тебя. Женское тело, поруганное, вымазанное грязью. Попроси она у меня помощи, не знаю, что бы я сделала. Это другой мир, с другой жизнью.

— Не надо принимать близко к сердцу. Они её сейчас попинают, а завтра поить будут, — слышу за спиной.

Часть первая

Глава 1

Последний день последних каникул. А завтра первый день их последней учебной четверти. Потом экзамены. Выпускной. Всё.

С подоконника на пол стекает длинный серый луч. Он течёт по деревянному настилу вдоль прижатого к стене дивана, врезаясь в ножку круглого туалетного столика. В узком окне нервно подмигивает фиолетовым глазом одинокий фонарь, маячат кривулины голых деревьев.

— Говорят, на ночь кофе вреден. — Таня Онегина дописала на ватмане последнюю в алфавитном ряду букву и повернулась к стоящей у серванта Филькиной Людмиле.

— Плевать... — Люда прикоснулась пухлыми губами к чашке. — Мне норм.

— Внизу надо написать «Да» и «Нет». Справа и слева. — Лера Охотник протянула Татьяне фломастер. — Напиши красным.

— С какой стороны?

— «Нет» — слева, «да» — справа, между ними цифры от 0 до 9.

— Откуда ты знаешь? — Люда повернулась, оценивая своё отражение в тёмном зеркале. Фигура у Люды что надо: длинные стройные ноги, узкие бёдра, изогнутая линия талии, только грудь портила впечатление совсем крохотная грудь. Из-за неё с боку фигура выглядела плоской.

— Мне бабушка рассказывала. — Лера пододвинула свечу к ватману. Белое пламя задрожало в такт мигающему фонарю. — Я пока стрелочку нарисую. Люд, дай блюдце.

Люда отпила кофе, положила чашку на подоконник и надавила пальцем на стеклянную перегородку серванта. Стекло двигалось медленно, с трудом преодолевая сопротивление пластмассовой рельсы.

— Почему вы храните это старьё? Вашей мебели сто лет, наверное. — Стекло наконец отъехало, и ей удалось просунуть в отверстие руку. — Ну сервиз ладно, у нас такой тоже есть, мать хранит, но сервант... и диван этот... Фу... Старостью воняет.

— Не у всех отцы по заграницам ездят, — язвительно заметила Татьяна. — Легко выбрасывать, когда в доме денег куры не клюют. Пожила бы ак мы с братом без матери-портнихи, да на одну зарплату отца, простого инженера.

— Я что, виновата, что у тебя мама умерла? — холодно бросила в ответ Люда, доставая из серванта перламутровое блюдце.

— Не ссорьтесь, — Лера выхватила из рук Люды блюдце, перевернула. — Тань, а можно на нём?

— Рисуй, — кивнула Татьяна и снова склонилась над ватманом.

На подготовку ушло ещё минут пять. Пока Лера рисовала на оборотной стороне блюдца стрелку, а Татьяна обводила цифры чёрным контуром, Люда допила свой кофе.

— Ну что, начнём? — Таня отложила фломастер и глянула на Леру. — Что дальше?

— Надо сесть вокруг стола и положить пальцы на блюдце. Вот так. — Лера опустила в центр круга блюдце и слегка коснулась кончиками пальцев его края. — Не давить и не толкать.

— Если не толкать, то как оно будет двигаться? — пожала плечами Люда.

— Ой, совсем забыла... нужно немного подогреть. — Лера накрыла блюдцем пламя свечи, подержала пару секунд и положила на ватман. — Теперь оно будет скользить, фарфор лёгкий, края гладкие.

Девчата опустили на колени вокруг стола.

— Чей дух будем вызывать? — Люда положила тонкие пальчики рядом с блюдцем.

— Достоевского, — полушёпотом предложила Татьяна.

— Почему Достоевского? — устала на неё Люда. — Он мрачный какой-то.

— Ну, а кого? Пушкина, что ли?

— Бабки моей, — зловещим шёпотом произнесла Лера. — Авдотьи.

Пламя свечи заколыхалось, Люда пугливо вжала голову в плечи:

— Я боюсь.

— А мне что-то мало верить во всё это, — резко тряхнула головой Татьяна, в ответ пламя заходило ходуном.

— Кажется, она уже здесь. Смотрите, — Лера кивнула на беснующуюся корявую тень на стене.

— Точно, — всхлипнула Люда, — профиль бабки твоей... и пальцем грозит. Я помню, она также пальцем своим сучковатым трясла, когда я в джинсовой юбке мимо походила, и ещё шипела вслед: «шлэндра».

— Так, если у тебя юбка выше трусов... — хмыкнула Татьяна и оглянулась. За окном качало корявыми ветками сухое дерево. — Это тень от акации. Ветер колышет.

— Давайте уже начинать. — Лера склонилась над блюдцем и быстро зашептала: — Дух бабушки Авдотьи, приди!

Пламя свечи дрогнуло и замерло.

— Мы зовём тебя!

Фитиль потрескивал расплавленным воском, но лепесток пламени горел ровным ярко-жёлтым лучом с сине-белой вершиной.

— Бабушка, ты здесь? — прошептала Лера. — Дай знак!

Расплавленный воск вокруг фитиля начал коптить, блюдечко дёрнулось и немного передвинулось, направляя стрелочку в сторону надписи: «Да».

— Это ты толкнула? — нахмурилась Татьяна.

— Нет же, — нахмурилась в ответ Лера. — Давайте вопросы задавать, а то она может обидеться и уйти.

— Как будет звать моего мужа? — тут же выпалила Татьяна и налегла на стол.

Блюдце задрожало и стало медленно вращаться, перемещая стрелку вдоль алфавита. Наконец стрелка замерла в самом начале.

— А... — одновременно произнесли три голоса.

— Дальше, — скомандовала Татьяна, выпучив глаза.

Блюдце задрожало, стрелка развернулась.

— Л...

Тень акации металась по стене, профиль бабки Авдотьи то вытягивался, расплющивая нос о настенное бра, то скукоживался, вытягиваясь вторым подбородком.

— Мягкий знак, — Лера слегка откинулась и вопросительно посмотрела на Татьяну.

— Что ещё за Аль?.. Нет такого имени, — фыркнула Татьяна.

— Подожди, оно крутится... — Люда толкнула Татьяну в бок локтем.

Блюдце завертелось так быстро, что подруги еле успевали произносить вслух буквы.

— Бэ... Альб... Е... Р... Т...

— Альберт, — выкрикнули разом. Блюдце остановилось.

— Альберт? — Татьяна убрала руки от блюдца и зло посмотрела на застывшую тень на стене. — Что ещё за Альберт?

— Редкое имя, — кивнула Лера.

— Да вообще... Ты знаешь хоть одного Альберта? — спросила Татьяна с претензией в голосе.

— Я нет, но это же про будущее. Встретишь ещё, — постаралась успокоить подругу Лера.

— Ерунда какая-то. Сейчас такими именами не называют. Альберт — Мольберт... —
Таня недовольно толкнула блюдце.

— Ты чего? Дух может обидеться, — заступилась за бабушку Лера.

— Подумаешь...

— Ну конечно, тебе «подумаешь»... Ты своё уже узнала, а нам не надо, да? — Люда
сжала губы. — Клади руки... Я тоже хочу знать...

Татьяна скривилась, но руки положила на стол и коснулась пальцами блюдца. Лера кив-
нула Людмиле.

— Ну давай... Только хорошо попроси... вежливо... Она тебя не очень любила...

— Вообще не любила, — добавила Татьяна.

— Бабушка Авдотья, скажи, пожалуйста, когда я выйду замуж? — шёпотом попросила
Людмила.

Блюдце не сдвинулось с места.

— Всё-таки обиделась... — вздохнула Лера и неодобрительно посмотрела на Татьяну.
— Всё из-за тебя.

— А я при чём? Может, она вообще никогда не выйдет замуж. Вот бабушка и молчит, —
хмыкнула Татьяна.

— Я выйду замуж? — воскликнула в отчаяние Люда, и блюдце задёргалось, завертелось,
словно в нём сломался пусковой механизм. Стрелка металась между «Да» и «Нет», а блюдце
всё не останавливалось.

— Что это? — зрачки в глазах Людмилы не поспевали за острым наконечником чёрной
стрелочки. — Что это значит?!

Глава 2

Последний учебный год — как затянувшийся прыжок в неизвестность, толком не начавшись, всё никак не закончится.

— А мне нравится оранжевый цвет, есть в нём что-то жизнеутверждающее.

— Ну не знаю, как по мне, кирпич кирпичом. Что может быть самоутверждающего в кирпиче? — Таня поджала щёку кулаком.

— Ну как сказать, — улыбнулась Лера, не отводя взгляда от оранжевой кофты Людмилы Филькиной. — Мне нравится, и не только цвет, но и фасон, я бы тоже себе хотела такую, с капюшоном и кенгуру-карманом.

— Охотник, Онегина, болтовню прекратили! — гаркнула Ольга Викторовна Желудёва, заправляя фиолетовую прядь волос так, чтобы всем был виден уникальный сине-зелёно-серый оттенок искусственного топаза, посверкивающего в мочке маленького уха. Серьги-гвоздики с топазами были подарены Львом Эдуардовичем Самородковым. Роман между биологичкой и географом считался тайным, но все о нём знали.

Лера неохотно перевела взгляд с оранжевой кофточки Людмилы на серую блузку учительницы.

— Итак, давайте выясним, как географическая изоляция может приводить к образованию новых видов. — Ольга Викторовна отвернулась к доске и ткнула указкой в карту.

— Ей отец привёз из Нидерландов, наверное. Или из Австралии, — прикрыв рот рукой, процедила сквозь зубы Татьяна.

— Происходит это, когда популяции оказываются разделены физическими барьерами, — бубнила учительница, обводя указкой на карте невидимые барьеры.

— Он вроде в Германию ездил. Я видела у неё на вельветках лейбл, там по-немецки написано было...

— Охотник! — гаркнула учительница неожиданно громко и обернулась. — Что ты там шепчешь?

— По теме, Ольга Викторовна, — испуганно прошептала Лера.

— Ах, по теме? Тогда давай вслух, чтобы мы все слышали. Можешь привести пример эволюционирования новых видов?

— Да, — Лера встала. — Например, выюрки с Галапагос. Эти птицы на разных островах архипелага имеют различные формы клюва, так они приспособивались к местным условиям. Двадцать семь пар глаз с интересом уставились на Леру.

— Хм, — нарисованная бровь учительницы приподнялась и опустилась. — Пересядь к Никифорову.

Лера сгребла учебник и тетрадь, сняла с крючка портфель и пошла в конец кабинета.

Олег Никифоров, несмотря на маленький рост, сидел на последней парте. Непослушная вихрастая чёлка над умными чёрными глазами словно жила своей жизнью. Она-то наезжала на нос, то, несмотря на старательную приглаженность рукой, ерошилась на лбу, придавая лицу озорную неряшливость и тем лишая симпатичности.

Лера положила на стол тетрадь и учебник. Нагнулась, чтоб повесить на боковой крючок портфель. Подол её юбки приподнялся, открыв взору Никифорова ту часть ноги, которую форма обычно скрывает. Кровь ударила Олегу в лицо, он тут же отвернулся к стене и уставился на портрет Пржевальского.

— В чём заключается роль мутаций в эволюционном процессе? Всегда ли они вредны? — задавала сама себе вопросы учительница.

— Ты откуда про вьюрков знаешь? — решил спросить Олег, когда Лера наконец села. От неё исходил лёгкий аромат ландыша. Запах волновал, вызывая непонятные, но приятно-волнующие чувства.

— Вчера в «Мире животных» смотрела, Дроздов рассказывал, — хихикнула Лера. Смешок вырвался громче, чем она ожидала.

— Охотник! — в очередной раз вскричала разъярённая учительница.

Лера испуганно подскочила. И снова её юбка, подпрыгнув, бесстыдно открыла верхнюю часть ноги.

«Ляжки!» — вульгарное слово обухом шарахнуло по неустойчивой половой зрелости, и Олег почувствовал, как налился бетоном низ живота. Стало тяжело дышать.

— Моё терпение кончилось. Ставлю тебе двойку. — Учительница бросила на стол указку и раскрыла журнал.

— За что?!

Возглас возмущения вырвался сам собою, и, испугавшись собственной дерзости, Олег пригнулся к парте.

— Никифоров?! — поискала глазами учительница. — Во-первых, встань, а то тебя из-за парты не видно.

Тишину кабинета прорезал скрипучий смех Татьяны Онегиной. Ещё несколько смешков в угоду учительнице утонули в общей напряжённости.

Олег поднялся. Лицо его было красным. Он резко вскинул непослушно наезжающую на глаза чёлку и с вызовом сказал:

— Она же ответила по теме правильно.

Желудёва с интересом воззрилась на него.

— И сколько бы ты ей поставил? — Её глаза хитро сощурились, словно она о чём-то догадалась, и эта догадка её веселила и даже немного подзадоривала.

— Пятёрку, — буркнул Олег, опустив голову и прикрывая чёлкой глаза.

— Хорошо. — Всё ещё глядя на Олега, учительница взяла ручку. — Я поставлю Охотник пятёрку за знание предмета. — Ольга Викторовна демонстративно вывела в журнале цифру пять. — И два — за поведение.

Изящно выписав лебединую цифру, Желудёва захлопнула журнал.

Почти одновременно с этим раздался звонок.

В раздевалке пахло грязными носками и резиной.

— Ну всё, теперь мне не видать пятёрки по биологии в аттестате, — почти плакала Лера, натягивая спортивные штаны.

— Ладно тебе, нашла из-за чего расстраиваться. Четвёрка тоже хорошая оценка, у меня вот, дай бог, чтобы тройка вышла.

— Обидно, я ведь люблю биологию и хорошо её знаю. У меня в двух первых четвертях пятёрки были, в третьей — четвёрка, и в последней стояли две пятёрки, а теперь эта двойка... Всё — четвёрка в четверти и годовая соответственно.

— Ну всё уже. — Таня завязала на кедах шнурки и выпрямилась. — Лучше про геометрию подумай. Что отец твой? Наглядное пособие спаял?

— Да. — Лера вынула из пакета сваренную из металлических прутьев трапецию. — После уроков отнесу.

— Вместе отнесём.

Бывают дни неблагоприятные. Когда всё идёт кривь и вкось. Видимо, этот день для Леры Охотник был именно таким, потому что на физре она заработала тройку. Тройка сложилась из каната, брусьев и прыжков в высоту. Канат — 2, брусья — 3, прыжки — 5. Общая — 3.

Онегина на канат не полезла, сослалась на перелом запястья в прошлом году. Рука давно уже не болела, но Татьяна умела извлечь выгоду из всего, даже из перелома. Она корчила несчастную рожицу и канючила. Физруку ничего не оставалось, как разрешить ей выбрать альтернативный снаряд. Татьяна выбрала бревно, по которому прошлась, покачиваясь туда-сюда, и разок прыгнула через козла, разведя циркулем худые ноги-палки. В итоге получила четвёрку.

Люда Филькина просидела весь урок на скамейке, от сдачи норматива её освободила записка от родителей.

— Наконец-то у Людки месячные пошли. Теперь есть законный повод от физры отлынивать, — хмыкнула Онегина.

В ответ Лера только пожала плечами.

— Почему сразу отлынивать? Причина уважительная, мы тоже освобождение получали.

— Ага, только у Людки именно в тот день, когда нормативы сдаём.

— Да ладно тебе, — отмахнулась Лера, сейчас её больше волновали собственные оценки.

— Ты знаешь, что у неё месячные только в 15 лет пошли, мать её даже к врачу водила.

— И что?

— Замедленное развитие.

В ответ Лера снова пожала плечами.

— А ходила, ходила... — продолжала кривиться Татьяна, — павой. Королева красоты, блин.

— Ну она же действительно красивая. При чём тут её месячные?

— Красивая?.. — Онегина презрительно растянула губы, в щель стали видны усыпанные коричневыми пятнышками зубы.

С детства Таня страдала флюорозом, тёмные пятна на эмали образовались из-за избытка в организме фторида, чем очень портили и без того не слишком удачную внешность. Плюс ко всему весной лицо осыпали коричневые конопушки, которые сходили только к зиме. Таня ненавидела весну, конопушки и всех красавиц на свете.

— Что в ней красивого?.. Просто мать её, как куклу одевает. Повезло, что мать-портниха. И вообще, что мать жива.

Болезненную для подруги тему Лера решила не развивать. Мама Тани умерла от рака пять лет назад, оставив её на попечение отца. Лаврентий Иванович был тот ещё родитель. С матерью они были в разводе, но жить продолжали в одной квартире. Незадолго до смерти жены отец отделил себе полку в холодильнике, запретив дочери брать оттуда продукты, которые покупал исключительно для себя. Растущий организм пятиклассницы Тани требовал полноценного питания, но послушаться отца она не смела и довольствовалась чаем и кашей на воде. Постепенно Таня научилась себе готовить, но денег хватало только на продукты. Купить одежду было не на что, и Таня стала перешивать на себя вещи матери.

— Тань, ну чего ты? Она же подарила тебе джинсовую юбку?

— Не подарила, а дала поносить. Нужны мне её обноски. — Таня нервно запихнула спортивные штаны в портфель, отчего он раздулся и не хотел закрываться. — Я её выкинула.

— Ты же в ней на дискотеке в пятницу была?

— Ну была... А в чём мне ходить? — Таня надавила на застёжку кулаком, и металлическая кнопка въехала под скобу. — Пошли в буфет, а то там уже очередь, наверное, до учительской.

Они вышли из раздевалки и направились в сторону столовой. Между первым и вторым этажами на лестничной площадке у зеркала стояла Людмила.

— Эй, — крикнула Лера, помахав Филькиной рукой, — в буфет пойдёшь?

— Не-а, — покачала головой Люда и посмотрела вверх. По ступенькам спускались две дородные девахи из параллельного класса.

— Не пойдёт она. Она теперь со Славич и Штановой ходит. — Таня потянула Леру за рукав. — Пойдём, а то сочники разберут.

— Подожди, — Лера отдернула руку и снова посмотрела на стоявших у зеркала девушек. — Люд, ты идёшь?

Троица на площадке оглянулась и недоумённо уставилась на Леру.

— Пойдём, — в голосе Леры звучала упрямая настойчивость.

— Вы идите, я потом подойду, — отмахнулась Люда.

— Потом подойду, — скривилась Татьяна. — Когда очередь подойдёт, тогда и она явится... вместе с этими шлёндрами.

Они спустились на 1 этаж и заняли очередь в буфет.

— Не понимаю, что у них может быть общего? — недоумевала Лера, разглядывая ореховые кольца на подносе.

— Что... что... Придёт, спросишь... — ворчала Татьяна. — Из-за неё опоздали, сочники все разобрали. Ты что будешь?

— Пирожное. — Лера полезла в карман.

— А я кольцо, — вздохнула Таня. — У меня только на кольцо и хватает.

Лера вынула из кармана две бумажки и горку мелочи. Просунула в окошко деньги:

— Две корзиночки и два стакана яблочного сока.

— И мне! — подскочила к окошку Люда. — Вот, — протянула буфетчице купюру. — Пирожное и сок.

Растолкав драчливую малышню, подружки прошли к стене, где стояли колченогие стулья и заставленный стаканами столик. Пол вокруг был усыпан крошками и заляпан лимонадом.

— Вот свиньи! — Таня поморщилась, разглядывая липкое пятно на стуле. — Пролили прямо на сиденье.

— Мы с Таней в кино собираемся после уроков, на «Танцора диско». Ты с нами? — Пронзительный взгляд голубых глаз, кажется, был способен просверлить Люду насквозь.

— Не, Лерчик, у меня дела. — Люда лизнула волнистую горку белоснежного крема.

— Со Славич и Штановой? — Татьяна уселась на крайний стул и вгрызлась зубами в пирожное, захватив одновременно и крем, и песочную основу. Корзинка, треснув, рассыпалась, часть повидла вывалилась на фартук. — Да чтоб тебя!

— А что? — Люда смахнула пальчиком комочки туши на ресницах.

— Ты с ними в кино идёшь? — Лера поднесла стакан к губам, но выпить не успела.

— Блин, — Таня подскочила, стряхивая с фартука обломки песочной основы и растирая по фартуку яблочное повидло. — Поела пирожное.

— На, — Лера протянула ей свою «Корзиночку», к которой ещё не успела притронуться.

— Иду, но не в кино. — Люда обхватила малиновыми губками горку белкового крема и зажмурилась от удовольствия. — М-м-м...

— А куда? — не отступала Лера.

Люда проглотила крем и облизала губы.

— Ну ты прям, как прокурор. — Лизнула варенье. — В «Ивушку».

— В ресторан?! — фыркнула соком Татьяна.

— Ну да. А что?

— Там же дорого! — Сок стекал с подбородка Онегиной на белый воротничок формы.

— Так мы салатик какой-нибудь за 3 рубля закажем и сидим весь вечер. А что?

— Зачем? — Лера протянула свой стакан с соком Татьяне, всё так же пристально глядя на Филькину.

— А что? — Люда аккуратно откусила песочную основу корзиночки.

— Ты что, не знаешь, какая у Славич и Штановой репутация?

— А какая у них репутация?

— Дурная.

— Угу, — кивнула Татьяна, допивая Лерин сок.

— Подумаешь, — опустошив свой стакан, Люда поставила его на столик. — Что такого?

Ну посидим, с ребятами познакомимся.

— «Ивушка» на краю города. Не страшно так поздно возвращаться?

— Ну мы не всегда пешком, иногда нас подвозят.

Последнее слово утонуло в трели звонка.

Лабораторный отсек кабинета математики пропах кожей и лаком. Андрей Самуилович, улыбаясь, вертел в руках спаянную из металлических прутьев трапецию.

— Ну что, Охотник, делать будем? У тебя тут две пятёрки и три четвёрки, последняя четвёрка за контрольную и так себе, скажу, четвёрочка... с минусом.

Лера, склонив виновато голову, пожала плечами.

— Ладно, — синие глаза учителя сверкнули насмешкой. — Отцу спасибо скажи. Ставлю за трапецию пятёрку.

— И мне, — взвизгнула Татьяна, выскочив из-за спины подруги.

Андрей Самуилович весело рассмеялся.

— Ладно, Онегина, и тебе пятёрка. Как поётся в песне про дружбу: «И хлеба краюху, и ту пополам».

— Пополам? — вопросительно посмотрела на математика Лера.

— Не пугайся, — учитель подошёл к стеклянному шкафу и водрузил трапецию на полку. — Вот вы выпуститесь, а поделка останется. Достану её на уроке и вспомню вас. Общим пятёрки, общим.

Глава 3

Пятница. С 8 этажа город как на ладони. Город не желает засыпать рано. Призывно мигают сиреневые фонарики «барного» квартала. Несколько раз вспыхнул фейерверком городской парк. Хрустально сияет остроконечная высотка на Девицкой площади, и будет сиять всю ночь. Сосед Саша играет Рахманинова: бессонница, наверное. Ну и вино. В общем, всё как обычно. И небо... Небо обещает назавтра красоту, ясность и обновление. Весна — лучшее лекарство и прививка от грусти.

Из ресторана «Ивушка», который в народе называли «Пивнушка» вышли три девицы. Остановились, закурили. Дальnozоркие глаза Козетты Жоржевны Лошидской даже с 8 этажа разглядели рябое лицо одной из них, фиолетовую чёлку другой и аккуратную стрижку «под паж» — последний писк моды, у третьей. А ещё короткие, чуть закрывающие попу юбки и тонкие водолазки, с изображением каких-то иностранных музыкантов. Каких именно, Лошидская разглядывать не стала, иностранные музыканты преподавательницу пения не интересовали. А вот туфли чешкой фирмы «Цебо» на одной из девиц — очень даже.

Всех троих Лошидская узнала. Все три девицы когда-то были её ученицами. Славич, Штанова и Филькина. Выросли девочки. Из прыщавых отроков, из гадких утят, вымахали в лебедей. Не во всём прекрасных, но достаточно зрелых. Особенно Славич и Штанова — сисястые, мясистые. Филькина рядом с ними тростинка. Тоненькая, плоская, ножки длинные, стройные... Ну на таких-то каблуках... В таких-то туфельках фирмы «Цебо». Лошидская вздохнула.

Саша закончил «Сонату №1» и заиграл «Салонные пьесы». По количеству фальшивых нот Лошидская сделала вывод о степени опьянения соседа, покачала головой и снова посмотрела вниз. Девушки продолжали курить, перебрасываясь короткими фразами. Докурив сигарету, Славич вытянула губы куриной гузкой и выпустила последнюю струйку дыма в рябое лицо Штановой. Штанова громко выругалась, разбавляя матерные слова обычными. Все трое рассмеялись. Музыкальный слух Лошидской различил тональности: Славич и Штанова хохотали, Ефимова хихикала. Минут через пять из «Пивнушки» вышла компания молодых людей и окружила девушек.

Саша ударил по клавишам с такой силой, что у Лошидской зазвенело в ушах.

— Это невыносимо, — Козетта Жоржевна тяжело задышала. — Рахманинов этого не заслуживает.

Она запахнула халат и с боевым настроением вернулась в комнату. Схватив со стола нотную тетрадь, перелистала страницы.

— Ну вот же, вот. Три бемоля, три.

В ответ за стеной снова громыхнул ухо режущий аккорд.

— Ну что... Что он делает?! Левая — диез... левая, а правая — бемоль. — Прихватив тетрадь, Лошидская направилась в прихожую.

Выходные — маленькая передышка между буднями, наполненными делами и открытиями, неудачами и победами, тревожными и внушающими надежду новостями, расставаниями и новыми встречами. Днём можно сходить в кино, вечером погулять в парке, а перед сном в постели почитать книжку.

В дверь забарабанили.

— Коля, когда звонок сделаешь? — Есения Петровна отложила пальцы и поднялась.

— Завтра, — раздалось из кухни.

— Что ты меня всё завтраками кормишь? Скоро дыру в двери пробьют.

Есения Петровна щёлкнула замком. Тёплый ветерок сквозняком ворвался в квартиру.

— Таня?! — Есения Петровна отступила, пропуская позднюю гостью в квартиру. — Что-то случилось?

— Случилось, — выдохнула Онегина и раздувая ноздри и принюхиваясь. — Как у вас вкусно пахнет. У вас всегда вкусно пахнет.

— Это я торт пекла. Будешь?

— Не откажусь, — обрадовалась Таня, и её встревоженное лицо расплылось в улыбке. — Вот у кого другого отказалась бы, но от ваших, Есения Петровна, тортиков отказаться невозможно. Какой на этот раз? — поинтересовалась Таня и прямо из прихожей направилась в кухню.

— «День и ночь»... — крикнула ей в спину Есения Петровна и направилась в комнату дочери.

Услышав голос подруги, Лера вложила в книжку закладку и встала. Мать заглянула в комнату, когда Лера натягивала поверх ночнушки трикотажную кофту.

— Там твоя Танька пришла. — Голос матери слегка раздражённый. — Не знаю, что там у неё случилось, но нюх на тортики у твоей подруги отменный.

Когда Лера с мамой вошли в кухню, Таня наливала в чашку чай, на тарелке рядом уже лежал увесистый ломоть полосатого бисквита.

— Тань, что случилось? — Лера остановилась у двери.

— Сейчас. — По-хозяйски поставив чайник на плиту, Таня прошла к буфету.

Лера удивлённо следила, как внимательно подруга перебирает в ящике чайные ложечки. Вынув одну и, покрутив её перед носом, она поморщилась и кинула её в раковину. Полезла за другой. Следующая ей тоже чем-то не понравилась, и она положила её обратно. Погремев ложками, наконец, достала позолоченную, удовлетворённо хмыкнула и повернулась.

— Людка пропала.

— Как пропала?! — Лера опустила на табурет рядом с отцом.

— Исчезла. — Таня взгромоздилась на стул и вдавила ложечку в торт, отрезая от бисквитного куса порцию поменьше.

— Как?

— Непшиша ношевать, — чавкая, прошамкала Таня. Проглотив, добавила: — Мать её звонила, спрашивала, не у меня ли её дочь ночует?

Таня отделила ложечкой ещё кусочек.

— И что ты сказала?

— Господи, Лера, что за глупый вопрос? Сказала, что нет. И что вообще её с пятницы не видела. И ты тоже, потому что мы с тобой вместе выходные провели.

— Ох! — Есения Петровна схватилась за сердце. — Ужас, какой!

— А вы чего переживаете? — Таня с усердием выскабливала размазанный по тарелке крем.

— Ну, как же, Танечка, я ведь тоже мать. Представляю, что сейчас чувствует Элеонора. Вы ведь всегда вместе, а если бы... — Есения Петровна поморщилась. — Таня, возьми ещё кусок, не скабли.

— А можно? Ой, спасибо, тётчка Еся. Как я ваши тортики люблю.

— Ещё раз назовёшь меня тётчкой...

— Не буду... не буду. — Таня отмахнула от торта нескромного размера кусок. Врезалась в него ложкой и замерла. — Нет, знаете что, Есения Петровна, можно я этот кусочек заверну папе.

— Ешь, — махнула рукой Есения Петровна. — Я ему другой кусок положу.

— Что же делать? — Лера растерянно взглянула на мать. — Мам?

— Может, в милицию сообщить? — предложила Есения Петровна

— Успокойся, Еся. Ну что, Элеонора не знает, что делать? — Николай Васильевич отодвинул чашку. — Утро вечера мудренее. Завтра в школу придёте, а Людка ваша уже там... цела и невредима. Просто загуляла. Возраст такой.

— В том-то и дело, Коленька, что возраст такой — опасный.

Отец встал.

— Поэтому, пока совсем не стемнело, поторопилась бы ты, Татьяна, домой.

Когда дверь за гостьей закрылась, и Есения Петровна принялась убирать со стола посуду, Николай Васильевич, глядя на пустое блюдо, проворчал:

— Думал, с утраца с чайком кусочек наверну. Эх! А ведь большая уже, могла бы, и сама отцу торт испечь.

Всю неделю школа гудела, как пчелиный рой. Строились догадки и развивались домыслы. Кто-то что-то видел, кто-то что-то слышал. Больше всех знала учительница пения Лошидская. Неожиданно неприметная с виду училка по пению стала звездой школы. Обретя невиданную доселе популярность, «скучная обычка» Лошидская охотно делилась фактами, томно при этом опуская веки и загадочно шурясь.

— Вы уверены, что это была Люда? — допытывалась в очередной раз завуч Марина Леонидовна Дровосекова.

— Ну, конечно, глаза могли меня подвести, но слух... никогда.

— И курила?.. — недоумевала директриса — Белянчикова Лариса Матвеевна. — Может, глаза всё-таки подвели, ночь ведь была?

— Да там у ресторана этого ночью как днём, я даже туфли «Цебо» на ней разглядела, — возмутилась Козетта Жоржевна, а успокоившись, покачала головой, — просто мы плохо знаем наших учеников.

К концу недели всё смешалось окончательно, о Филькиной стали говорить в прошедшем времени и полушёпотом.

В пятницу Люда появилась в школе с перебинтованной ногой. На вопрос Леры: «Что с тобой?» скупо ответила: «Повредила ногу». Стало понятно, что рассказывать даже подругам Люда ничего не хочет и не будет. На уроках она всё больше смотрела в окно, на переменах растворялась в толчее.

— Кажется, она нас избегает? — Лера грустно проводила взглядом спускающуюся по лестнице Людмилу.

— Тебе не кажется. А так и есть. — Таня закинула на плечо ремешок сумки. — Мы теперь ей не ровня.

— Она изменилась.

— Ты тоже заметила?

— Не знаю, что с ней произошло, но она стала другая. Повзрослела, что ли? Смотрит на нас, как на малолеток.

— Ага, типа она уже жизнь познала. Знаем мы эти познания — переспала с кем-то.

— Не знаю... — Лера покачала головой. — Может, что-то другое...

— Ну что ты её вечно защищаешь? Ты посмотри на неё внимательно. Она даже внешне стала выглядеть не так, как раньше. У неё же сисек никогда не было, а тут — О! — Танька обвела руками невидимые груди огромных размеров. — И жопа. Она же всегда доской была, а тут округлилась, обабилась. Точно тебе говорю: потеряла Людка свою невинность.

— А нога почему забинтованная?

— Для видимости. А может, и нет.

Вот оно — чувство, что ты всех победил. Мельницы сдались и, разбитые в хлам, перестали работать. Экзамены позади, аттестат выдан, выпускной оттанцован до отдышки, отгулян до рассвета. Наконец можно отдохнуть, уютно устроившись под деревом, на мягкой траве газона, перекусить помидоркой с яйцами и строить планы по поражению новых мельниц.

— Вот так бы плюхнулась в фонтан и жила бы в нём всё лето, — Лера сложила из газеты веер, помахала перед лицом. Полуденная лень постепенно овладевала телом.

Таня прищурилась, разглядывая позолоченную чашу, из которой хлестала подбрасываемая давлением насосов вода. Тонкие, похожие на серебряные нити струйки заманчиво посверкивали.

— А что?.. Выгнать нафиг голубьёв-засранцев и как бегемотик «плюх!»... Ляпота! — Таня откусила огурец, скривилась, ткнула огурец в кулёк с солью. Пожелтевший газетный лист прорвался, и соль высыпалась на траву. — Терпеть не могу огурцы без соли.

— А в Ленинграде дожди. Вчера мама дяде Вите звонила, у них двадцать три и дождик.

— Повезём им солнце и жару, — размахнувшись, Таня бросила огурец в кусты и поправила задравшуюся юбку. — А сколько твоему дядьке лет?

— Точно не знаю, тридцать семь, кажется. — Слова взяли в липком сонном мареве. Разговаривать не хотелось, язык еле ворочался, но приходилось отвечать.

— У... молодой... Ты его дядей зовёшь?

— Ну да. Он же мамин брат, хоть и двоюродный. Да я его видела раза два, не больше, когда он к бабушке Фросе приезжал. — Лера замахала газетным веером сильнее, пытаясь разогнать вокруг себя желеобразный зной.

— Кто это — баба Фрося? — Нос и лоб Тани покрыли капельки пота.

— Мать его, моя двоюродная бабка получается.

— Ну понятно, ты ему седьмая вода на киселе. — Таня приподняла подол, помахала, обнажив квадратные колени. — Красивый?

— Кто?

— Дядя Витя твой.

— Ну... — Лера задумалась. — Симпатичный. Правда, у него лысина. Но такая... на макушке... И усы.

— Бабник! — Таня ломано загоготала. — Помнишь анекдот про попугая, который кур...

— Помню, — перебила Лера. — Глянь, Белянчикова.

По аллее парка быстрым шагом двигалась белокурая женщина. Сведённые брови и застывший отстранённый взгляд придавали милому лицу директрисы тревожность. Она остановилась у фонтана, облизнула засохшие губы и подставила руку под струю воды.

— Бледная какая-то.

— Может, у неё тепловой удар? — Лера потянулась за бутылкой с водой. — Пойду дам ей попить.

— Из фонтана попьёт, — гоготнула Таня.

— Да ну тебя. — Лера встала и направилась к директрисе.

Через несколько секунд поднялась и Таня.

Набирая в пригоршню воду, Белянчикова обтирала мокрой ладонью лицо.

— Лариса Васильевна, хотите воды? — крикнула Таня издали.

Директриса обернулась.

— Девочки? — Взгляд был странным, немного растерянным, немного озадаченным, будто она не узнавала, кто перед ней.

Лера протянула бутылку.

— Это чистая вода.

Директриса кивнула, взяла бутылку и отвинтила крышку.

— Случилось несчастье. — Она прильнула губами к горлышку и жадно глотнула. Сделав глоток, вернула бутылку Лере. — С Людой. Вы ведь дружили?

— Это было давно и неправда, — буркнула в сторону Татьяна.

— Да, — кивнула Лера. — А что с ней?

— Шилом пырнули... в живот. Я только из больницы. Положение тяжёлое, проткнули матку.

— Она выживет? — Лера схватила директрису за руку.

— Врач сказал, жить будет, а вот детей иметь... — Лариса Васильевна закрыла руками лицо. Поникшие плечи затряслись.

Все в школе знали, что у Белянчиковой нет семьи. Ещё в детстве врачи поставили ей диагноз — порок сердца, чем и приговорили к пожизненному одиночеству. Возможно, информация эта была неверной, но другого объяснения, почему у молодой и красивой женщины нет ни мужа, ни детей, придумать не могли.

— А кто пырнул? Поймали?

— Вроде да. — Белянчикова вытерла заплаканные глаза. — В ресторане приревновал кто-то из кавалеров, я точно не знаю.

— Ну понятно... в ресторане... где ещё. Сама виновата, связалась со Штановой и Славич, и понеслась весёлая жизнь...

— Таня! Прекрати! — Лера шлёпнула подругу по спине. — Она в какой больнице?

— В городской. — Директриса всхлипнула.

— Мы ходим.

— Не надо. К ней никого не пускают. С ней мать. Меня не пустили. — Лариса Васильевна вынула из кармана платок и обмакнула в чашу фонтана. — Врач сказал, как минимум две недели её не беспокоить. Позже ходите.

— Ха, через две недели мы уже в Ленинграде будем. — Таня горделиво выпрямила спину.

— В Ленинграде? — удивлённо посмотрела на неё Белянчикова.

— Ну да. Поступать едем. В университет.

— В университет? Ты? — с недоверием взглянула на свою ученицу директор.

— Мы, — Татьяна обиженно поджала губы и прижалась плечом к Лере.

— А! — Белянчикова рассеянно кивнула. — В добрый путь.5

Глава 4

По перрону сновали люди. Встречающие, приехавшие, провожающие. Они стояли у своего 10-го вагона и, глубоко вдыхая, наслаждались влажным ленинградским воздухом. Одежда пропахла жжёной резиной и чесночной колбасой. В горле першило от запаха потных тел.

— Ну и где ваш дядя Витя? — спросила Таня, раздувая ноздри.

Есения Петровна крутила головой, спутанные волосы липли к потному лицу.

— Обещал встретить.

— Обещал... — надтреснуто проговорила Татьяна и поставила сумку поверх стоявшего у ног Леры чемодана. — У вас адрес есть? Может, сами поедем.

— На чём это мы поедем? — Есения Петровна, приподняв густую бровь, посмотрела на Татьяну.

— На такси.

— А платить за такси кто будет?

— Хм... — Татьяна поджала губы и отвернулась.

— Вон он, — кивнула Есения Петровна в сторону здания вокзала. Татьяна впиалась глазами в спешащего к ним худощавого мужчину в синей футболке и джинсах.

— Симпатичный, — шепнула Татьяна на ухо Лере.

— Бери сумку, — скомандовала ей в спину Есения Петровна. — Пойдём навстречу.

— Зачем? Сам подойдёт и сумку поможет нести.

— А чемодан я потащу?

— Так у него же две руки. — Татьяна поправила торчащий карман. — Лер, положи к себе мой паспорт, а то он мне карман оттягивает.

Есения Петровна хотела было что-то сказать, но помешал подоспевший Виктор.

— Еська, привет. — Он обхватил сестру двумя руками и приподнял.

— Ты что, Витя? Надорвёшься, — рассмеялась Есения Петровна.

Виктор поставил её на землю и чмокнул в пухлую щёку.

— Прости, припоздал, искал, куда припарковаться. Всё забито машинами. Пришлось подальше отъехать, ну ничего, — Виктор оценивающе глянул на чемодан и сумку. — Ну, вещей немного, донесём.

— Здравствуйте, — Таня, широко улыбаясь, сделала шаг вперёд. — Татьяна.

— У... Она звалась Татьяна, — улыбнулся в ответ Виктор.

— Да. И, кстати, Онегина.

— Ничего себе. — Виктор нагнул голову, заглядывая ей через плечо. — Лерка, большая какая! Тебя не узнать.

— Здравствуйте, дядя Витя!

— А какая красавица, а?! — Виктор подошёл к Лере, обнял.

Татьяна нервно дёрнула ручку сумку, чемодан качнуло, и он повалился на асфальт.

— Осторожней, — вскрикнула Есения Петровна.

— Я возьму, — Виктор подхватил чемодан. — И сумку тоже.

Татьяна, растянув в улыбке губы, протянула сумку.

По дороге они заехали перекусить в «Пышечную». Пили чай с мятой, макали в брусничное варенье золотистые пышки, сладко причмокивали и слушали рассказы дяди Вити о местных достопримечательностях.

Когда подъехали к дому, на улице начало смеркаться.

— А сколько у вас комнат? — спросила Татьяна, заходя в подъезд.

— Три.

— И вы один живёте в трёхкомнатной квартире? — Татьяна округлила глаза.

— Да. — Виктор поставил чемодан возле двери, полез в карман за ключами. — После развода Лиля с сыном вернулись к родителям в Анапу, ей здешний климат не подходил.

Виктор толкнул дверь.

— Проходите.

Таня скользнула в прихожую, медленно обвела глазами стены в серебристо-голубых обоях и изящный светильник над дверью.

— А у вас хорошо.

— Разуйся, — буркнула Есения Петровна. — И проходи вперёд. Чего встала как вкопанная?

Таня скинула босоножки и пошла в кухню.

— Скучно, наверное, одному? — продолжала допытываться из кухни Татьяна.

— Я привык. — Виктор поставил чемодан возле обувной полки. — Сумка чья?

— Моя, — выглянула из кухни Таня. — Виктор, а можно на «ты»?

— Чего?! — возмутилась Есения Петровна.

— Можно и на «ты», — улыбнулся Виктор. — Хотя мы на брудершафт и не пили.

— Успеется! — Таня взяла сумку, пристально глядя ему в глаза. — А где мы будем жить?

— Таня, не наглей...

— Ничего, Еся... — остановил сестру Виктор. — Девчонки пусть в детской располагаются, — Виктор кивнул в конец коридора, — ты в спальне. А я в зале на диване. Но это ночью, а днём добро пожаловать... Телевизор посмотреть или музыку послушать, у меня стереосистема, девчонкам понравится. — Он подмигнул Лере.

— Какой телевизор? Какая музыка? Им готовиться надо, в среду уже первый экзамен.

— Ну, тогда, как говорится, на горшок и спать. В ванной в шкафу найдёте чистые полотенца, мыльно-рыльные — на полке у зеркала.

— Чур, я первая в душ. Только сумку закину, — воскликнула Татьяна и направилась быстрым шагом в конец коридора.

Из зала уже минут десять как раздавался натужный храп Виктора, а на кухне, где сидели Лера и Есения Петровна, висела напряжённая тишина, заглушаемая шелестом секундной стрелки на настенных часах и недовольным сопением Есени Петровны.

— Что она так долго?

Лера посмотрела на часы. Татьяна находилась в душе уже сорок минут.

— После поезда...

— Не начинай. — Есения Петровна отложила на стул ночную рубашку, которую она мяла в руках в ожидании своей очереди помыться. — Опять её защищаешь. Зачем ты потащила её с собой?

— Она моя подруга. И тоже хочет стать модельером. Вдвоём же легче. За компанию.

— За компанию и жид повесился. — Есения Петровна снова схватила ночную сорочку. — И кому легче, Лера? Она всё время на тебе ездит.

— Это не так.

— А как это называется, по-твоему?

— Взаимовыручка.

— Да?! — на лице Есени Петровны выступили красные пятна. — Это когда ты ей в первом классе портфель таскала на пятый этаж, а потом жаловалась мне, что у тебя живот болит? Или, когда в седьмом классе на каникулах занимала для неё километровую очередь, чтоб взять коньки напрокат, хотя у тебя свои коньки были? А может, когда лучшее место у окна ей уступала в нашей машине, чтоб её ветром обдувало, а сама посередке между нами теснилась? Это по-твоему взаимовыручка? Да?! Ну «выручка» — я понимаю, а «взаимо» —

где? Ты же оба портфеля тащила, и свой, и её, так ведь? А Таня належке с пустыми руками впереди. И в спорткомплекс ты за два часа приезжала, пока она дома кудри крутила. То есть коньки нужны были ей, а очередь выстаивала ты — это, что ли, взаимовыручка?

Лера вжала голову в плечи.

Есения Петровна встала, налила в стакан воды из крана, выпила.

— Я тоже её раньше жалела. Сирота ведь. Как свою дочь всегда принимала, ты же знаешь, всегда накормлю, напою, ещё и с собой дам. Только... со временем замечать стала, что Таня твоя сиротством своим спекулирует, а жалостью пользуется. И тобой она пользуется, даже по мелочам. «Паспорт мой к себе положи, а то мне карман оттягивает», — кривляясь голосом Татьяны произнесла Есения Петровна. — Что ж она с оттопыренным карманом будет ходить, когда есть Лера? Пусть Лера с оттопыренным ходит. Ты не замечаешь, а мне со стороны виднее. И модельером она бы стать не захотела, если бы не захотела ты. Хорошо, хоть с её аттестатом и знаниями нет у неё шансов тебе дорогу перейти, а то бы не разрешила её с собой тащить.

— А что же тогда называется дружбой, мама?

Есения Петровна вздохнула.

— Эх ты! Ничего не поняла. Смотри, чтоб, когда поймёшь, поздно не было.

Редкий для Ленинграда день. Обычно — резкие перепады: когда свинцовые тучи сменяет вдруг солнце и небо меняет цвет с серого на синий, а через пять минут ливень такой мощи, что ничего не видно. И всё это в один день! А тут... сплошное солнце, яркое, ослепляющее. Его так много, что кажется, весь мир покрылся позолотой.

С утра долго спорили, куда бы сходить. Есени Петровне хотелось в Эрмитаж, Лере — в Кунсткамеру, Татьяне — покататься на кораблике по Неве.

— Сходите в зоопарк — посоветовал Виктор.

В зоопарк, где можно за пару часов рассмотреть на расстоянии вытянутой руки уже знакомую по картинкам из энциклопедии фауну всего мира, от обычной до самой экзотической, захотелось всем. Есения Петровна надела своё лучшее платье из жёлтого крепдешина в чёрный горох.

Они отстояли длинную очередь в кассу. У входа их подждал худой фотограф с длинным носом, огромным белым попугаем на плече и зелёной ящерицей в руке.

— Хотите покормить птичку? — спросил он навязчиво и, не дожидаясь ответа, снял попугая с плеча и усадил его на плечо Есени Петровны. Острые когти впились в тонкий крепдешин платья.

— Нет! — взвизгнула Есения Петровна. — Уберите немедленно!

— Давайте я вас сфотографирую? — Парень быстрым движением повесил ящерицу на грудь и схватил фотоаппарат. Замершая на груди ящерица казалась огромной брошью.

— Уберите, — Лера дёрнула фотографа за рукав. — Он порвёт ей платье.

— А-а-а, — закричала Есения Петровна.

Ящерица метнулась и исчезла в разрезе рубашки фотографа.

— А-а-а, — закричал фотограф, извиваясь от щекотки.

— А-а-а, — заорал попугай и, махнув крыльями, взлетел.

Казалось, что неприятный инцидент испортил Есени Петровне настроение окончательно и бесповоротно. Сунув охраннику билеты, она недовольно буркнула.

— Всегда ненавидела попугаев... и ящериц.

— А это вы зря, — серьёзно произнёс в ответ охранник. — Уверен, что после посещения нашего зоопарка, вы измените свою точку зрения и проникнетесь к ним любовью.

— Ещё чего! — Есения Петровна погладила поцарапанное плечо и направилась к вольеру, за которым слонялись цапли. Длинноногие птицы собирали упавшие в траву плоды

дикой груши, и лениво отмахивались от наглых ворон, которые старались залезть к ним в рот и проверить, кто что ест или пьёт.

Солнце начинало припекать. Высокая влажность утяжеляла воздух, и дышать становилось трудно.

— Может, сначала в аквариум заглянем, посмотрим на рыб, — предложила Лера.

Они вошли в длинный ряд павильонов, где за стеклом плавали экзотические рыбы.

Рыб было много, но их внимание привлекла «индийская скумбрия». Обычная продолговатая серебристая рыбка, довольно невзрачная на вид и средняя по размеру. Но это если смотреть на картинке. А там, в воде, имитирующей дно океана, стайки скумбрий, раскрыв рты, плавали «плечом к плечу».

Их квадратные жабры блестели, словно начищенное серебро. Лере они казались похожими на созвездия, Татьяне — на россыпь кубиков льда в бокале коктейля «Голубая лагуна», а Есении Петровне напомнили металлические блестящие квадратные пуговицы с пиджака Шаповаловой. Стайки рыбок было видно издалека, картина стройного движения завораживала. Хотелось влиться в их дружный коллектив и так же ловко носиться в воде, огибая выступы искусственных скал и щупальца живых кораллов.

— А там что? — заинтересовалась Есения Петровна, когда они прошли в соседнюю комнату. У тумбы со стеклянным ящиком толпились мальчишки. Есения Петровна заглянула через головы и поморщилась. За толстым стеклом шёл поединок. Среди разбросанных камней две маленькие с жёлтыми полосками на тельцах ящерицы вели жестокий бой. Бесстрашные свирепые микродраконы сплелись в схватке гибкими серо-зелёными туловищами наверняка за что-то жизненно важное.

Мальчишки азартно болели:

— Давай, вали его, — словно собачонка подтягивал самый маленький из ребят, он стоял на цыпочках, едва доставая до днища стеклянного короба носом.

Ящерицы катались клубком, пока не провалились в чёрную расщелину между имитирующих скалы камней.

— Ну вот, теперь мы не узнаем, кто победил, — расстроился мальчик и стукнул маленьким кулачком по стеклянной стенке.

— Победила дружба, — Есения Петровна погладила его по голове.

— Вы училка, что ли? — недовольно спросил мальчик, отталкивая её руку.

— Почему сразу училка? — удивилась Есения Петровна.

— Наша физручка тоже всегда так говорит, когда мы в пионербол играем. Обидно это.

— Почему обидно?

— Потому что мы играем, чтобы победить, стараемся, а когда побеждаем, хотим этой победе радоваться. А чему радоваться, когда победил не ты, а дружба? Почему это дружба всегда присваивает себе чью-то победу? Крадёт её у тебя. Не нужна такая дружба.

— Надо же... — Есения Петровна внимательно посмотрела на мальчика. — Да ты философ.

Когда они вышли из павильона, солнце ещё было в разгаре, и они пошли вдоль вольеров, от жирафа к слону, от медведя к пантере, от зебры к носорогу, останавливаясь и пряча головы под редкие деревья. Настроение у Есении Петровны заметно улучшилось. Она уже почти забыла про неприятный случай с попугаем и теперь испытывала ко всем без исключения животным, даже к маленьким ящерицам, вполне дружелюбные чувства.

— Пойдёмте скорей к обезьянам. Они самые смешные, — поторопила Лера.

Подходя к вольеру с обезьянами, Есения Петровна добродушно улыбалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.